

М.Н.Желтова

КРЕМНЁВЫЕ ПРЕДМЕТЫ КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ О ЖИЗНИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ КОЛЛЕКЦИИ НАХОДОК ИЗ ПЯТНИЦКОГО I РАСКОПА СТАРОЙ РУССЫ)

Рассматривается информационный потенциал находок кремня в виде орудий, сколов-заготовок, осколков и отдельных сырьев в средневековом городском слое. Долгое время проблему составляло безразличное отношение исследователей-медиевистов к артефактам других, более ранних эпох, автоматически считавшихся механической примесью в средневековом слое. Тем более, внимания не удостоивались осколки и кусочки различных пород камня, даже если они никак не могли естественным образом попасть в культурный слой. Однако в последние годы исследователи стали выделять кремнь в особую категорию находок, что позволило раскрыть его возможности как источника информации о некоторых сторонах жизни средневековых жителей города. В статье это проиллюстрировано материалами раскопок Старой Руссы: на Пятницком I раскопе Старой Руссы была обнаружена внушительная серия кремневых находок кремня — 96 предметов (55 — из средневековых пластов и 41 — из пласта эпохи раннего металла. Такая выборка позволила сделать ряд выводов, предложенных вниманию читателя).

Ключевые слова: древнерусский город, Старая Русса, Пятницкий-I раскоп, кремневые предметы, каменное сырьё, трасология

В последние годы археологи-медиевисты стали внимательнее относиться к находкам всех каменных предметов из городских раскопок. Долгое время проблему составляло безразличное отношение исследователей к артефактам других, более ранних эпох, автоматически считавшихся механической примесью в средневековом слое. И уж тем более, внимания не удостоивались осколки и кусочки различных пород камня, даже если они никак не могли естественным образом попасть в культурный слой. Одной из первых работ, посвящённых изучению кремнёвой составляющей коллекции артефактов из раскопок средневекового города, стала статья Г.Н.Поплевко, выполнившей трасологический анализ каменных орудий из раскопок Тверского кремля и описавшей значительную серию ружейных и кресальных кремней [1]. Почти в это же время Е.А.Тянина поставила вопрос о возможности культового характера находок артефактов эпохи камня и раннего металла в слоях средневекового Новгорода [2]. По мере развития методики археологических исследований постепенно менялся взгляд на культурный слой и его компоненты. И вот, наконец, наметилось плодотворное сотрудничество между археологами-медиевистами и археологами-«каменщиками», которых, надо признаться, также мало интересовала «позднятина». В этой небольшой статье я предлагаю взглянуть на кремнёвый компонент коллекции находок из средневековых слоёв Старой Руссы глазами археолога-«каменщика».

Что может дать анализ кремнёвых находок из слоя средневекового города? Достаточно большой пласт разнообразной информации, даже в тех случаях, когда речь не идёт об орудиях или сакральных предметах, средневековых или гораздо более древних, тем или иным способом попавших в культурный слой.

Прежде всего, наличие кремня показывает его необходимость жителям города. Особенно это заметно там, где источники кремня удалены, неважно, на малое или значительное расстояние. При этом, надо отметить, что стоянки эпохи камня воспринимались средневековыми людьми как такие же источники кремня, как и природные месторождения или галечники аллювиального или моренного происхождения. К примеру, по сообщению Е.Салминой, в Лужском раскопе Нового торгового в Пскове в слое пожара было обнаружено большое количество кресальных и ружейных кремней. Один из ружейных кремней был изготовлен из медиальной части крупного двустороннеобработанного неолитического наконечника. В то же время в Новгороде такие наконечники, как и некоторые другие предметы, имели культовое значение [3] — будучи опрарвленными в металл, носились на теле. Возможно, они использовались и иначе, «громовая стрела» считалась действенным средством при многих жизненных невзгодах.

Анализ отдельных кремнёвых сырьев позволяет нам установить источники его добычи или импорта, часто даже без специальных анализов, которые, впрочем, стоит использовать для подтверждения наших предположений. Если мы имеем дело с добычей сырьев в конкретном месторождении, то результаты инфракрасной спектроскопии (ИКС) могут создать вполне надёжную доказательную базу. Конечно, гальки из аллювиальных отложений не могут быть таким источником информации. Однако нахождение их в культурном слое показывает нам вариативность возможностей и предпочтений людей в области выбора сырьев. Поэтому гальки, осколки и отщепы не антропогенного характера имеют определённое значение как источник информации. Часто они иллюстрируют поиски местной альтернативы относительно дорогому импортному товару, прибывавшему уже в готовом виде. Поэтому сырьевой состав готовых изделий, например, ружейных кремней, часто резко выделяется на общем фоне всей совокупности кремнёвых находок.

Именно такую картину мы видим в немногочисленной коллекции кремня из Пятницкого I раскопа 2011 года. Всего она включает 15 предметов, 10 из которых представляют собой принесённые небольшие гальки серого (или серо-бежевого) зернистого кремня, сколы не антропогенного характера и осколки таких галечек,

кусочек окатанного и забитого чёрного кремня каменноугольного периода из аллювия, первичный случайный скол малиново-рыжеватого кремня с известковой коркой. Зато 5 предметов, включая единственное изделие — отщеп с ретушью — изготовлены из мелового кремня очень хорошего качества, подобного которому в окрестностях Старой Руссы не встречается. Помимо отщепа, снятого преднамеренно и оформленного регулярной полукрутой ретушью, три других скола из этого же кремня отделились в процессе использования более крупных кусков. Возможно, это произошло при их расщеплении, но в одном случае совершенно точно — при эксплуатации кресального кремня, так как на спинке видны следы забитости специфического характера. Один из них впоследствии сам использовался в качестве кресального кремня непродолжительное время, как и ещё один преднамеренно снятый отщеп с небольшим участком меловой корки в дистальной части. Все они происходят из пласта 25, случайные сколы — с квадратов 38—39, отщеп с ретушью — с квадрата 27 и кресальный кремень — с квадрата 90. Скорее всего, все они являются частями одного куска мелового кремня.

В 2012 году коллекция кремнёвых предметов значительно увеличилась, составив 81 предмет. Соответственно, расширилась информативность материала. Прежде всего, сырьевой состав. Появились новые виды кремнёвого сырья: в относительно большом количестве в коллекции представлен чёрный тонкозернистый кремень двух разновидностей — гладкий, с блестящей поверхностью (8 предметов) и матовый (7 предметов), возможно, разный по происхождению. Всего из чёрного кремня найдено 22 предмета, часть из них с галечной коркой, что свидетельствует о расщеплении конкреций на месте. Принадлежность семи предметов к первым двум группам остаётся под вопросом, возможно, они происходят из других источников. Это осколок, скол фрагментации кресального кремня, кресальный кремень на полупервичном сколе, первичный и полупервичный отщепы с галечной коркой, 2 скола (один из них случайный) и забитый и окатанный кусочек. Матовый чёрный кремень представлен: отщепом с ретушью, пластинчатым отщепом, двумя отщепами, двумя осколками и кусочком с забитостью по краю. Надо отметить, что все эти отщепы сняты преднамеренно. Из гладкого чёрного кремня, лучшего по качеству, изготовлен отщеп с плоской вентральной ретушью на краях и следами использования, 2 отщепа (один из них — первичный), пластинчатый отщеп, 2 кресальных кремня (оба на непреднамеренных сколах). Ещё есть кусочек кремня с негативами систематических снятий, грани которого имеют следы забитости и скол не антропогенного характера.

Серия из 12 предметов красновато-коричневого кремня состоит из сколов-заготовок (пластинчатый скол, 2 мелких отщепа, 3 чешуйки и 2 фрагмента отщепов, проксимальный и дистальный) и четырёх осколков. К сожалению, половина из них обожжена довольно сильно, но оставшихся образцов достаточно для определения возможного источника сырья.

Другие разновидности сырья представлены единичными экземплярами: фрагмент первичного скола белого кремня с меловой коркой, кусок окатанного и побитого желтовато-коричневого кремня, мелкий отщеп и чешуйка розового валдайского кремня (оба сильно обожжены), чешуйка серого полупрозрачного мелового кремня, отщеп с ретушью коричневатого кремня с мелкими белыми и чёрными включениями. Все они происходят из разных источников, условно местным можно считать лишь кусок желтовато-коричневого щебня. Кремень этот низкого качества, практически больше напоминающий кремнистый известняк. Нами были отобраны образцы в Любытинском районе Новгородской области из отложений, прорезанных руслом р. Прикши. Подобный кремень встречается и в Ильменском глинтте и мало на что годится, именно поэтому в слое мы имеем столь пёстрый спектр разных пород кремня, происходящих из самых разных удалённых источников.

Изученный материал происходит как из средневековых пластов (24—25 — в 2011 году, 26—28 — в 2012 г.), так и из слоя эпохи раннего металла (пласт 29, 2012 г.). В коллекции 2011 г. обгоревших кремней не обнаружено. Сильно обгоревшие кремни относятся к пласту 28 (2 экземпляра, с кв. 14 и 62), но основная масса (25 экз.) — к пласту 29 (из кв. 16 — 14 предметов, кв. 15 — 8 предметов, кв. 50 — 1 предмет, кв. 4 — 2 предмета). То есть на квадратах 15—16 фиксируется скопление. При этом 14 кремней из пласта 29 и 1 из пласта 28 обгорели до такой степени, что невозможно определить разновидность кремня, даже его цвет.

Что касается морфологического состава находок, то в нём доминируют 2 группы: сколы-заготовки (38 предметов) и сколы не антропогенного происхождения, осколки и отдельности сырья (всего 20 предметов). Первая группа включает в себя 6 пластинчатых отщепов, 15 отщепов и фрагментов отщепов (в том числе 4 первичных и 1 полупервичный) и 17 чешуек. «Сколы-заготовки» — название достаточно условное для средневекового контекста, поскольку сюда же традиционно включаются чешуйки, явно бывшие побочным продуктом расщепления, нацеленного на получение отщепов или сколов, удобных для оформления ружейных или кресальных кремней. Строгих критериев по отношению к стандартам заготовок в нашем случае не прослеживается (как это было в каменном веке и осталось лишь в мастерских по специализированному изготовлению ружейных кремней). Впрочем, отщепы ситуационно служили и для каких-то других нужд. В коллекции имеются 4 отщепа преднамеренно оформленные регулярной ретушью. Два из них происходят из пласта 27. Один из них — обычный отщеп чёрного матового кремня с краевой ретушью, второй — гладкого чёрного кремня, оформлен плоской вентральной ретушью по краям и имеет следы интенсивного использования. На дорсальной поверхности в дистальной части — следы забитости. Характер использования этого орудия пока не определён. Отщеп из пласта 28 весьма интересен — это единственный образец коричневатого кремня со светлыми и тёмными крапинками. Его края оформлены противоположающей ретушью, при этом на небольшом участке ретушь двусторонняя. И, наконец, казалось бы, обычный отщеп с ретушью очень светло-серого цвета из пласта 29 также имеет интересную особенность — он покрыт несмываемым

чёрным налётом. Признаков термического воздействия он не имеет. Можно предположить, что налёт сформирован солями марганца, но в таком случае странно, что этот предмет только один. В любом случае этот вопрос ещё требует изучения.

Семь кресальных кремней также происходят из разных пластов: 5 — из пласта 27, 1 — из пласта 28 и 1 — из пласта 29. Два последних представляют собой кусочки гладкого чёрного кремня с локализованными зонами забитости. Кремни 27-го пласта также представляют собой кусочки с локализованными зонами забитости, 2 — чёрного кремня и 3 — разных видов серого.

Коллекцию каменных предметов дополняет фрагмент абразива из серого тонкозернистого сланца. Он треугольный в сечении, с хорошо выраженным продольным ребром, на вентральной поверхности — параллельные желобки от затачивания игл или шильев. Предмет реутилизирован после слома для обработки дерева, о чём свидетельствует затупленность одной кромки слома и ряд перпендикулярных полученному рабочему краю линейных следов и фасеток. По всей видимости, орудие представляло собой что-то вроде стамески.

Подводя итоги, можно сформулировать кратко несколько выводов. Во-первых, средневековые жители города испытывали потребность в качественном кремнёвом сырье и получали его из самых разных источников — издалека в виде импортного товара и с относительно близких территорий, например, с Верхней Волги. Для поисков кремня использовались даже аллювиальные и / или моренные галечники. Во-вторых, расщепление производилось в городе, исключительно твёрдым отбойником и без определённых стандартов получаемых заготовок. В-третьих, помимо добывания огня, кремнёвые отщепы изредка служили как ситуационные орудия каким-то другим целям. Продолжая наши исследования, можно получить ещё много информации об этой «кремнёвой» стороне жизни средневековых городов, которые не могли обходиться без огня, как не могли добывать его без кремня.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-01-00180-ОГН «Исторический центр Старой Руссы в эпоху Средневековья по материалам археологических исследований».

1. Поплевко Г.Н. Итоги трасологического исследования коллекции кремнёвых и каменных орудий из раскопа Тверской кремль-II // Лапшин В.А. Тверь в XIII—XV вв. (по материалам раскопок 1993—1997 гг.). СПб: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 300-308. (Труды ИИМК РАН. Т. 30).
2. Тянина Е.А. Орудия каменного века в культурном слое средневекового Новгорода: предметы языческого культа или случайные вещи? // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Вып. 22. (Новгород, 22-24 января 2008 г.). Великий Новгород: НГОМЗ, 2008. С. 172-183.
3. Желтова М.Н., Тарабардина О.А., Тянина Е.А., Мусин А.Е. Каменные артефакты эпохи неолита и раннего железного века из культурного слоя средневекового Новгорода: характер вторичной депозиции и особенности использования // Древний человек и камень: технология, форма, функция. СПб., 2017. С. 236-241.

References

1. Poplevko G.N. Itogi trasologicheskogo issledovaniya kollektzii kremnyovykh i kamennykh orudiy iz raskopa Tverskoy kreml'-II [The results of the trace studies of the flint and stone tools assemblage from the Tver Kremlin-II site]. In: Lapshin V.A. Tver' v XIII—XV vv. (po materialam raskopok 1993—1997 gg.). Saint Petersburg, 2009, pp. 300-308. (Trudy IIMK RAN. T. 30).
2. Tyanina E.A. Orudiya kamennogo veka v kul'turnom sloe srednevekovogo Novgoroda: predmety yazycheskogo kul'ta ili sluchaynye veshchi? [Stone age tools in cultural layers of medieval Novgorod: pagan cult artifacts or accidental items?]. Proc. of "Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkhologiiya. Materialy nauchnoy konferentsii", iss. 22. Velikiy Novgorod, 2008, pp. 172-183.
3. Zheltova M.N., Tarabardina O.A., Tyanina E.A., Musin A.E. Kamennye artefakty ehpokhi neolita i rannego zheleznogo veka iz kul'turnogo sloya srednevekovogo Novgoroda: kharakter vtorichnoy depozitsii i osobennosti ispol'zovaniya [Stone artifacts of the Neolithic and Early Iron Age from the cultural layer of medieval Novgorod: the nature of secondary deposition and features of use]. Drevniy chelovek i kamen': tekhnologiya, forma, funktsiya. Saint Petersburg, 2017, pp. 236-241.

Zheltova M.N. Flint artifacts as a source of information about the medieval city life (on the example of the assemblage from the Pyatnitsky-I excavation site in Staraya Russa). The article is devoted to the analysis of the information potential of flint finds in the cultural layers of the medieval city. For a long time, medieval archaeologists showed indifference to artefacts from earlier times, considering them as a mechanical admixture in the medieval layer. Fragments and pieces of stone were not studied at all, even if they could not naturally get into the cultural layer. But in recent years medieval archaeologists have begun to treat flint as a special category of finds, this allowed them to reveal their potential as a source of information about some aspects of the life of medieval residents of the city. This work is devoted to the analysis of some of the flint finds from the excavations of the medieval Staraya Russa. In the Pyatnitsky I excavation of Staraya Russa, an impressive series of flint finds were found — 96 objects, 55 from medieval layers and 41 from early metal formations. This sample allowed us to make a number of conclusions proposed to the reader.

Keywords: medieval Russian town, Staraya Russa, Pyatnitsky-I excavation site, flint tools, flint material, trace studies.

Сведения об авторе. М.Н.Желтова — научный сотрудник отдела палеолита Института истории материальной культуры Российской Академии наук, mpraslova@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 15.11.2018.